

Сижу на полу, пляясь минут 15 на собственную руку, то вспыхивающую, то погасающую. Вспыхнула, погасла, вновь вспыхнула, пламя снова обняло оголенную кисть, колыхаясь черными языками, опять в инфоокне отобразилась уже знакомая крякозябра. Но не это важно: я смотрел, как ведут себя волосинки, вырастающие из настоящей кожи, в смысле реальной.

Рука была той же, что и вчера, что и раньше, вот только не игровой, но реальной, настоящей, не искусственной. Даже волосинки были реальными, как и шрамы, как и кожа, все реальное. На другой руке то же самое, хотел бы проверить и лицо, но зеркала нет. Насчет раздеться полностью для проверки этап пройденный: все на месте, все реально; поэтому осталось лишь сидеть, смотреть на собственную руку и пожевывать краюху хлеба после куска жаренного мяса.

Чудо, не иначе, даже рисунок на ладони четкий, а о каждом шраме я могу рассказать целую историю, ну или не целую, но все они мною получены не в игре, многие в детстве, в реальном мире.

«Хотя, что реально, а что нет? Нео, твою мать, ты где? Иди сюда со своими таблетками, мне пачку и тех, и тех!»

Рисованность картинки пропала окончательно, и, если бы не вспыхивающее пламя от одной лишь мысли, появляющиеся мечи, да застывшие фантомами окна, я бы подумал, что очутился в реальном мире. Было еще одно противоречие – я все также находился в комнате, бывшей когда-то моей опочивальней, буквально позавчера или поза-позавчера, но не далее, как неделю назад.

Вновь рука вспыхивает, пламя обняло, лаская теплом, а я очередной раз убедился, что мое восприятие более не видит игрушечности или виртуальности в окружающем мире, и этот вывод даже согрел душу, хоть и цифровую, ведь для меня это означало, что я жив и буду жить дальше, только надо разобраться, в какую задницу меня забросило.

В закрытую дверь что-то стукнуло, от чего я дернулся, ошеломленно смотря на старое дерево, отделяющее меня от внешнего мира. Инфоокно предмета все же вылезло, из крякозябр в нем я распознал цифры 35/1200, сильно подходящие по параметр прочности предмета. Мечи осветили черным светом комнату, тени заиграли на стенах, тело напряглось, готовясь к атаке любого, кто войдет, а фантазия рисовала огромных чудовищ, стоящих с той стороны и готовых проломить не только старую дверь, но и стены.

- Что не заходят? – раздалось за спиной, и я вновь дернулся, резко оборачиваясь на голос. В углу на скамье сидел тщедушный заросший мужичок в старых одеждах, упираясь костлявыми пальцами в колени: - Не зайдут, будут ждать, пока не выйдешь.

- Кто там?

- Знамо кто, обращенные. Рыщут все, ищут.

- Чего ищут?

- Не чего, а кого. Меня ищут, а теперь и тебя будут искать.

- Почему?

- Ну ты малый не дурак и дурак не малый. Потому что мы с тобой живые, нас не обратили. Да и убери уже свои факела, у меня и так зрение плоховатое, да и озноб от них нехороший. Убери!

- Как тебя звать?

- Хм, когда-то Сидырычем кличили, вроде бы, давно было, уже запомнить мог, мне-то уже семнадцатая сотня набегаёт.

- Си! Сидырыч?! - подлетаю к старику, хватая его за плечи: - Сидырыч! Ты?!

- Да я, я, чего сжимаешь, аки бабу? Сломаешь щас, к бабке не ходи! Отпусти! И орать прекращай, а то набегит сейчас весь город. Тише будь.

- Сидырыч, ты меня не узнал?

- С чего это мне узнавать? Да и как, говорю же, вижу плохо, а память друшлячная. Стар я уже.

- Сидырыч, это же я - Князь.

- К-к-к-князь? - костлявые руки старика задрожали, белесые глаза наполнились слезами, а косматая борода задергалась: - Н-н-наш к-к-князь?

- Я, Сидырыч, что тут произошло? Меня не было не больше недели.

- К-к-к-к-к.

- На вот, выпей, полегчает. Ты голоден?

- Т-т-т-т-т.

- Держи краюху, пожуй, я это, я, возьми себя в руки, мне многое у тебя надо узнать.

- А-а-а-а-га.

Сидырыч сидел в углу, пристально смотря помутневшим взглядом на меня и малыми кусочками поедая хлеб, запивая квасом, оставшемся у меня в инвентаре. Все же, хорошо иметь в сумке всего понемногу, благо не портится, а вот такие перелеты для меня чуть ли не традиция, так что надо при себе всегда иметь походный комплект выживальщика. За дверью что-то шаркалось, но мне сейчас это было не важно, главное, что я нашел хоть кого-то, с кем можно поговорить. Или это он меня нашел?

- Сидырыч, что случилось с городом?

- Погиб.

- Я вижу, ты можешь рассказать поподробнее все, что помнишь?

- Все?

- Все.

- А мясо есть?

- Держи и хлеба еще, и пирожков.

- Пирожки! Марфы! Ух, вечность их не ел! А Марфу ты упокоил, Князь? И Василису, и деточек ее?

- Я.

- Хорошо, хоть кто-то высвободился из полона проклятого.

- Сидырыч, расскажи мне все, что помнишь с самого дня, как я пропал.

- Да. Ты пропал, помню, искали, долго искали, всем миром. Не нашли.

- Это и мне понятно.

- А потом начались темные времена, пришли враги, много врагов, бились с ними долго, но выстояли. После пришли другие враги, их тоже побили. А после вторглось ИГО с юга, но биться тому было тяжело, земля наша нас защищала, луга, да поля превращались в непроходимые глинистые топи, в лесах всюду буреломы, реки расходились и сходились, размывая дороги, постоянные дожди над врагами. Но пошли те по землям, сея скверну, дошли до нас, и бились мы дни и ночи, нещадно, и помогали нам все, кто уходил с земель захватываемых, и боги наши бились, и богатыри, всем миром бились. Но все же проиграли,

неисчислимо было их, разрушили город, всех обратили, превратив в скверны сеятелей.

- Когда это произошло?

- Лет, почитай, тысячу назад.

Я окаменел, десять веков где-то затерялись, куда-то исчезли, где я был все это время? Но внутри меня что-то пробивалось, напоминая, что не может быть такого, совсем, все не так, не могут наши люди проиграть, не могут согнуться, не мог я пропасть на такой долгий срок.

- Ладно, тысяча, так тысяча, скажи, кто-то еще выжил?

- Только я, всех остальных изловили.

- А тебя чего не поймали?

- Так я прячусь в схроне твоём.

- Каком схроне?

- Тайник, что гномы тебе сделали, где хранить требовалось самое ценное.

- И где он?

- Знамо где, нигде.

- И как в него попасть?

- Телепортом, но он мал, да пуст, я туда перетащил, чего сумел, не на камне же голом спать.

- Понятно. Ладно, мне он без надобности, раз пустой. Ты скажи еще, все горожане теперь обращенные?

- Да.

- А богатыри?

- Да.

- А боги?

- Сгинули.

- Хм. А где вообще все?

- Кто где, в основном шастают по городу, ищут. Богатыри сгинули с армией, наверное, забрали их для захвата других. А нас оставили, мы без надобности, токмо мужиков, что посильнее, да волков, обращенных всех.

- Значит, остались только дети, старики, да бабы.

- Ага.

- Ясно. А гномы?

- Всех.

- Хм, а как отсюда выбраться знаешь?

- Знаю.

- Как?

- Выбраться? - старик на мгновение завис, его замутненный взгляд застыл на мне, после чего произнес: - В оскверненном храме портал постоянный есть, через него можно покинуть город, только там охранников орды, да и из города выбраться надо.

- Понятно. Со мной пойдешь?

- Что ты? Что ты? - старик замахал руками: - Куда мне? Да и сил нет, да и как я службу брошу-то?

- Так я тебя отпускаю со службы.

- А оно мне надо? Тут мой дом, тут я весь, тут я и останусь...

- На вот, возьми, - я вытащил из инвентаря львиную долю запасов пищи и воды: - Держись тут, рад, что ты нашел меня.

- Спасибо, Князь, я тут, если что, спаси нас, вернись обратно, люди ждали, молились, поминали. Все за тебя.

- Спасибо, Сидырыч, спасибо, я вернусь, обещаю.

Дверь с треском разлетелась на щепки, открывая мне проход, но никого не оказалась за ней, и далее никто не встретился внутри дворца, к моему сожалению.

Город встретил мертвой тишиной среди руин, и даже появившийся порывистый ветер не сумел сократить количество гари на его теле. Чернеющие проемы окон и дыр взирали на меня, вопрошая и пробуждая неоднозначные ассоциации на манер скрипящих изогнутых деревьев в ночном лесу.

«Нет, это не мой мир, я не ощущаю той теплоты, что была всегда, земля не моя, хотя все кажется таким родным, таким домашним. Нет, мой город стоял и стоит, и будет стоять, он не падет, он не Вавилон, он Новоград!»

Будто бы услышав мои мысли, на противоположном конце площади появился обращенный, как я решил прозывать всех с щупальцами. Тварь первые мгновения изучала, после чего искривилась и издала писк, переходящий в ультразвук.

- Князь вернулся! – я проорал, что было силы, разгоняя собственную кровь в жилах, разбухающих под напором силы. Иконки умений неактивны, но мне уже давно не требуется активировать те мысленными нажатиями, все уже давно внутри меня. Даже окно карты не требуется, чтобы точно знать, где именно я. Я давно уже вне игровых ограничений, я уже давно не игрок, я есть часть этого мира, навсегда впечатавшего себя в самую суть мироздания, я один из столпов будущего этого мира, я – КНЯЗЬ! Я – ОГНЕСЛАВ! Я – ВОЛОКОЛАК!

С окраины сорвались первые тени, устремляясь ко мне, первые десятки, самые юркие и самые мелкие. Детские тела, опутанные шевелящимися щупальцами, неслись ко мне длинными прыжками, за ними бежали более крупные твари, жаждая вцепиться в меня. Сейчас я походил на радикального священнослужителя, вышедшего посреди грешного города ради прощения прегрешений его горожанам. Хм, картинка для очередного голливудского фильма, что ж, добавим спецэффектов.

Закованные в доспех ноги преобразовались в лапы, тело осунулось, увеличиваясь в размерах, лицо обрело волчью пасть, а эфесы мечей сжали когтистые лапы. Звероформа вспыхнула, устремляясь навстречу, ускоряясь так, как никогда. Черное пламя сжигает все, до чего дотягивается, остальному суждено обледенеть до той поры, как языки дорвутся и до него. Огонь и лед объединились в одну стихию, не терпящую ничто кроме себя, черно-алые всполохи все чаще и чаще пробиваются, подпитываемые чем-то изнутри.

«Но не об этом сейчас надо думать, вообще думать во время боя вредно для здоровья, сейчас место лишь рефлексам и инстинктам. Когда вокруг орды тварей, а ты один, вспомни, много ли ты думал, вспомни Diablo, вспомни, как активировал умения, не задумываясь, как истреблял

волну за волной. Вспомни и забудь, ведь в бою думать нельзя, делай шаг, рассекая мечом, замахивайся другим, делай шаг, рази и отходи в сторону, уходи из-под удара, нанося в ответ свой. Пусть все умрут, но ты останешься, ибо ты здесь герой, ты здесь спаситель мира!»

Твари не испытывают страха, не испытывают жалости, они лишь прут вперед, теснятся, толкаются, лишают друг друга шанса на уклонение и гибнут в огненном смерче змеевидных клинков, исправно разрубающих незащищенные тела. Ближние ряды подмораживаются, покрываясь коркой инея и замедляясь, следующие за ними напирают, попадая по леденящую ауру и толкая передние вперед, где клинки рассекают их тела, а пламя принимается пожирать оскверненную плоть, нанося каждую секунду все больше и больше урона. Системное окно обновляется кракозьябрами отчетов, не успевающих обновиться, и вскоре вновь зависает, шкала жизни неумолимо стремится к красной зоне, и даже волчья регенерация не помогает перебороть наложенный дебаф. Но огненный смерч не останавливается, поглощая очередных тварей, пусть эта безумная схватка будет фатальной, но бегать по углам, прятаться, пытаться вытаскивать каждую тварь по одной не вариант. Сидырыч сказал, что в городе оставили лишь тех, кого с собой в бой брать не стали, так что разобраться будет проще, нежели встретиться с оскверненной дружиной или стаей. Нечего думать, надо рубить всех и вся, и чем быстрее все твари закончатся, тем больше шансов остаться на ногах.

В какой-то момент огненный смерч начинает пульсировать, и от него с каждым толчком исходят огненные волны, врезааясь в обступивших тварей, вгрызаясь и перекидываясь на соседних. Черный смерч изменяется, обретая очертания сферы, в которой черные всполохи чередуются с багряными, циркулирующие по сфере мечи набирают скорость, сливаясь в единое кольцо смерти, за секунду ополовинившее любую подступившую слишком близко тварь. Вспышка света внутри багряно-черной сферы, и так начинает еще сильнее пульсировать, ускоряя собственное движение и поглощая в огне сбежавшихся тварей. Внезапный бросок сферы в сторону подминает под себя оказавшихся на пути, оставляя позади загорающийся шлейф из изрубленных тел, второй бросок в сторону, и новый шлейф. Нарастающий рев заглушает ультразвуки тварей, не перестающих наседать и погибать, осыпаясь дотлевающим пеплом на брусчатку площади.

Вторая вспышка света внутри пылающей сферы ознаменовала появление испускаемых в разные стороны огненных стен, что стремились подобно волнам огня, но не истощаясь на каждом противнике, а неумолимо продвигаясь вперед и тесня перед собой всех, кто попался на пути. Стены отходили недалеко, метров на пять, но этого было достаточно, чтобы испепелить два десятка кишачих тварей. Но чем больше стен отходило в стороны, тем слабее становилась сфера, и через какое-то время твари уже смогли видеть силуэт зверя, спрятанного внутри и лихорадочно из последних сил машущего двумя мечами.

Ни одна тварь не ранила, даже не задела, пылающая сфера идеально защищала от любых нападений, отражая урон, но требовала за это свою плату. Да и постоянное безудержное использование умений не обходилось без последствий. Появившаяся шкала, названная яростью, быстро иссякла после нескольких десятков использований умений, и теперь ее недостаток компенсировался жизненной силой, как и подпитка сферы, да, как и все остальное. Нет, ярость пополнялась, но предательски медленно, больше всего при смерти тварей, но и каждый удар возвращал частицу, малую, но все же. Если бы бить только одними ударами, то шкала быстро бы восполнилась, но не получится так, когда вокруг тысячи тварей. Поэтому жизненная шкала очередной раз подошла к багряному отрезку, и я уже готовился доблестно умереть, истекая собственной кровью. Нет, продержался бы еще с полчаса, но вдруг

открывшееся умение, испускающее не огненные волны, а стены, проделывающие целые проходы в орде, пожирало силы гораздо быстрее, зато работало гораздо веселее, нежели банальное разрубание мечами каждой твари персонально. Ну что ж, погибать, так громко.

Вспышка света, вливающая новые силы, восполняя все шкалы и излечивая любые раны, озарила меня, благостно даруя еще время.

«Теперь повоюем, подходите, твари безмозглые».

Подошедшие монстры поднажали с тылов на общую массу, и та с новой силой хлынула к цели, принявшейся со вновь нарастающей скоростью истреблять подступающих. Масса вдруг слилась в плотную толщу, наваливаясь единым целым, но сфера не стала принимать всю тяжесть на себя, а взлетела вверх на несколько метров и принялась испускать вниз огненные волны, бомбардирующие площадь. Сфера, испустив десяток волн, низринулась вниз, врезаясь в заполонившую площадь массу, багрово-алая вспышка в миг окрасила в свои цвета окрестности, прогоняя сумрачные тени, выросшая волна разошлась в стороны, освобождая древний камень от всего и вся на несколько десятков в радиусе и добывая остатки многотысячной орды тварей.

«Сил больше нет, совсем, пускай разрывают, уже все равно, только дайте умереть, прирежьте меня быстро. А еще вновь этот режущий пепел, смешанный со смрадным запахом».

Я распластался по брусчатке, не в силах более сражаться, все тело гудело, мышцы пытались найти свое место, кости трещали, а шкала жизни вновь приблизилась к границе красного сектора. Левая рука буквально распухла, как будто бы внутри нее билось мое собственное сердце, вынужденное уместиться среди костей и плоти, закованной в доспехи. Но никто не воспользовался возможностью, набросившись, чтобы добить. Сколько я так пролежал, не знаю, в такие моменты больше думаешь о более высоких материях, о самом Бытии, нежели о каком-то ничтожном времени. Два поднятых уровня спасли меня от более стремительного поражения, когда ни эликсиры, ни свитки не могли уже помочь, ибо откат использования, будь он не ладен, работал исправно, нежели все остальное. Но и это не важно, как вообще все, что сейчас должно заботить в первую очередь любого игрока. Я же не игрок, я здесь живу, вся романтика просиживания часами осталась там – в капсуле, в виде пережаренного куска мяса. Почему я так сейчас думаю? Да потому что, только что я уничтожил несколько тысяч своих людей, пусть даже уже давно не моих, но я это сделал. Я убил сотни детей, женщин и стариков, никого не пощадил, более того, истреблял их без какого-либо сожаления, что больше пугает меня. Неужели я становлюсь кем-то сродни палачу, безжалостным убийцей, тираном, окропляющим свой трон кровью вассалов?

Встаю, хотя ноги еще слабы, но выпитый эликсир большого исцеления позволил вновь ощутить себя в некотором тонусе, не абсолютно здоровым, но все же.

«Что там говорил Сидырыч? Храм, говорите, пойдем посмотрим».

Еще раз окидываю засыпанную горами пепла площадь и медленно направляюсь в нужную сторону. Теперь город точно обезлюдил, если не считать домового.

- Князь, - вдруг позади раздался знакомый голос, и я обернулся, увидев упомянутого старичка:
- Ты это, если вдруг, скажи мне молодому..., в общем..., чтобы я не дурковал..., семью заводил.

- Скажу, а как ты поймешь, что сам себе передал?

- А ты скажи, мол, если и дальше буду дурковать, то дудки мне вырезать всю жизнь ольховые, а потом ломать их, ибо некому дарить.

- Запомнил, скажу.

- Спасибо, Князь, ты там осторожнее, там жуть жуткая.

- Прибери тут.

- Это я да, это я сделаю, - домовый запричитал, разыскивая веник с совком, после ведра, чтобы всех собрать и похоронить, как полагается, а я пошел дальше, с удовольствием ощущая накачивающую боль после перегрузки тела, ибо если болит, значит, пока еще жив.

Не знаю, помогут ли мне свитки усиления, но все равно, так будет казаться, что проще, ибо без задействования всего имеющегося арсенала моих закромов входить в это проклятое место не хочется.

Изувеченные деревья, покрывшись язвами гнилостных грибов, источающих зловонную слизь, уже не были теми величественными великанами, что сотворили собой Храм Порядка. Все вокруг перестало быть причудливым садом, где беззаботно гуляли звери, птицы не пели среди ветвей, ставших похожими на скрюченные когтистые лапы уродливых тварей. И лишь два огромных медведя неизменно охраняли вход внутрь, разве что став чем-то сродни тем тварям, что бегали у городов, когда происходили прорывы, свидетелем одного из которых я был однажды. Две огромные туши, обвитые канатными жгутами-щупальцами, непропорционально увеличившаяся пасть с саблевидными клыками, длинные когти на лапах и заплывшие глаза-буркала.

Системное окно вновь оживилось, кракозябра на каждом активированном предмете усиления и тем самым напоминая, что игра помнит обо мне и даже хочется общаться, только я от чего-то игнорирую ее сообщения. Между тем обычный арсенал камикадзе активирован, усиливая все, что только можно, и даже дебаф на регенерацию несколько просел, получив некоторое подспорье в виде бафов на ту же регенерацию. Клин клином бьем, а сейчас еще и зверьком миролюбивым прикинусь, правда со своими мясниками, но это уже нюансы.

Обращенные медведи стражи, пролежав слишком долгое время у врат, не успели резво среагировать на появление в агрозоне чужака. Пока они расталкивались, чтобы подняться на все лапы, подошедший обнялся черно-алым пламенем, скручивающимся в сферу. Мгновение, и один из медведей был атакован, на морде появились первые резанные раны, подпаленные огнем, на залежавшемся меху появились пропалены. Тот неистово взревел, со всей силы

размахнулся, дабы разом припечатать врага, но удар ушел в пустоту, а уже левый бок принялся кровоточить, несколько жгутов отвалились, догорая на земле. Щупальца взмыли вверх, принявшись хлестать по округе, второй медведь подскочил и попытался протаранить оказавшегося возле стены врага, но изувеченные деревья лишь содрогнулись от удара, посыпалась разъеденная кора. Мгновение, и уже второй медведь ревел, не порадовавшись тому, что задние лапы оказались подрезанными, и потянуло паленым мехом.

Сейчас можно уповать лишь на скорость, ни секунды промедления, никаких попыток принять удар на себя, ибо нет такого танка, что устоит против обвала. А эти твари своими лапищами вырывали куски запекшейся от бесчисленных пожарищ тверди. Поэтому лишь стремительное вращение, рывки, прыжки и молниеносные удары, пока у каждой твари, пускающей хлыстающиеся щупальца, не появится достаточно кровоточащих ран, в которых изрядно погуляет пламя. Иначе с их регенерацией мне не справиться, поэтому разрубай и властвуй. Взлет в прыжке, пара ударов волны, удар с небес, рывок в сторону и вихрь, дабы не пускали свои щупальца в кого не стоит.

Могучие, но неповоротливые исполины больше мешали друг другу разобраться с мельтешащим врагом, нежели противостояли. Видимо, это их и сгубило во время защиты Храма Порядка, хотя, если ими так же командовали, как и сейчас, нечего и думать.

Топчась кругами на месте ради попытки ударить назойливую гниду, медведи разносили все, чему было суждено попасть под их тяжелые лапы. Мощные удары обеими передними лапами сотрясали землю, поднимая целые пласты, стены храма осыпались трухой, падающей сверху и попадающей на буркала, от чего звери не могли какое-то время нормально видеть, утробно ревя в ненавистной злобе.

Если бы на воротах стоял один, то разобраться с тем было бы гораздо тяжелее, нежели с двумя, уже сильно уставшими друг от друга, и забывая иногда обо мне, начинавшими грызться между собой. От чего в такие моменты лучше было отстраниться, иначе можно было попасть под пресс двух перекатывающихся сцепившихся вместе туш, вгрызающихся пастями друг в друга и метелящих когтистыми лапами. Резкий прыжок в сторону спасал не единожды, а въевшееся в раны пламя даже в такие периоды делало свое черное дело.

Вновь кракозябра в окне отобразила получение уровня за убийство двух элитных, восполняя мои серьезно просевшие резервы. И я с обновленными силами вхожу в храм, ибо медлить нельзя, а то бафы спадут.

Междуглавие 16.

Служебная записка.

За последнее время увеличилось количество инцидентов с участием большого числа людей, причем, стоит отметить, что все очаги гражданского недовольства возникают не в прослеживаемых сообществах типа политических партий или неформальных группировок, а в буквальном смысле непосредственно на улице среди обычных прохожих.

Многочисленные видео-фиксации содержат примерно одни и те же материалы с разными людьми, до определенного момента идущими по своим делам и не имеющими явных намерений на проведение митинга и тем более участия в будущих беспорядках. Минуту назад вполне благополучные граждане с хорошим социальным положением и достатком выше среднего вдруг останавливаются и начинают выражать недовольство, выкрикивая лозунги и требования.

Чаще всего подобное происходит возле административных зданий, на площадях и в местах наибольшего скопления людей. Применяемые меры по локализации не имеют большего эффекта, изолирование любых сигналов способствует лишь некоторому уменьшению числа недовольных в зоне активации глушилок. Работа с задержанными показала, что те действовали неосознанно и вообще не помнят о произошедших событиях.

В виду роста частоты возникновения инцидентов рекомендуем активизировать системы подавления незарегистрированных сигналов на территории, прилегающей к важным объектам, усилить охранение административных объектов и объектов особой государственной значимости. Предпринять меры по защите чиновников и их семей от влияния неизвестного свойства, вызывающего вышеописанное. Разрешить системам наведения правопорядка в чрезвычайных случаях избирательное применение средств летального поражения.

Сообщение зашифровано криптографом "Сфинкс" и разослано всем уполномоченным.

<http://tl.rulate.ru/book/28868/1043273>